

Майков Аполлон Николаевич

**Из-за чего пошли войны
России с мусульманством**

Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А76

А76 **Аполлон Николаевич М.**
Из-за чего пошли войны России с мусульманством: Книга 1 / Майков Аполлон
Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-94647-6

ISBN 978-5-519-94647-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лись: Нерукотворенный ликъ Спасителя на полотенцѣ, поясъ и ризы Богоматери, и части отъ древа Креста Господня, найденнаго въ Іерусалимѣ матерью Константина Великаго св. царицею Еленою, и столбъ, въ которому привязанъ былъ Господь Іисусъ Христосъ, когда біенъ былъ, и всякія орудія, которыми мучимы были первые исповѣдники Христовы, и цѣпи, коими прикованы были въ темницахъ, и одръ желѣзный, на коемъ были сожигаемы. Въ теченіи времени наполнились храмы многими чудными иконами, мощами и гробницами святыхъ мужей и самого царя Константина и матери его Елены, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Аѳанасія Великаго и другихъ. Благочестивые странники всякаго языка и племени стремились въ Константиновъ градъ и цѣлыя недѣли проводили въ осмотрѣ богатствъ, святыхъ и чудесъ его, и въ изумленіи прозвали его Царьградомъ. Русскихъ много всегда туда пріѣзжало и приходило—и по торговымъ дѣламъ, и по посольскимъ, и особенно по благочестію. Многіе русскіе тамъ и жили, многіе постригались въ греческихъ монастыряхъ для прохожденія суроваго житія тамошнихъ монаховъ, особенно на святой горѣ Аѳонской, неподалеку отъ Константинополя; у русскихъ тамъ былъ, и теперь есть, свой русскій монастырь св. Пантелеймона, и содержался на приношенія изъ Руси. Не помня себя отъ изумленія, обходили наши путники зданія города; дивились красотѣ его постройки и мѣста, выходящаго на два моря; дивились пышности и блеску царскаго

двора; присутствовали при духовныхъ и придворныхъ церемоніяхъ; на церемоніяхъ этихъ видали императора во всемъ его царскомъ облаченіи и взирали на него, какъ на первѣйшаго во всемъ мірѣ человека, Богоизбраннаго поборника и защитника святой церкви. Они свободно допускаемы были къ патриарху, и, принявъ его благословеніе, выходили отъ него, славя его ласковое вниманіе къ нимъ, простымъ людямъ. Но болѣе всего ихъ приводилъ въ радостный священный трепетъ—храмъ св. Софіи Премудрости Божіей, о которомъ еще посланные великимъ княземъ Владиміромъ бояре говорили, что «когда они стояли въ немъ, то не знали, на землѣ или на небѣ они находятся, и что тамъ Богъ явно съ людьми пребываетъ». Таковъ вышелъ этотъ новый городъ, сіявшій мраморомъ и золотомъ, построенный Константиномъ Великимъ, называемый Новымъ Римомъ, или Вторымъ Римомъ, или по имени строителя—Константинополемъ, т. е. Константиновымъ градомъ, или по красотѣ и святости его—Царьградомъ, или наконецъ отъ прежде бывшаго около него мѣста—Византіей. Таковъ онъ былъ, что люди словно не находили ему довольно звучнаго и достойнаго имени, и надавали ему нѣсколько именъ, одно красивѣе другаго.

И вотъ, въ теченіи времени, все хуже и хуже стали приходить въ Москву вѣсти изъ греческой земли, и изъ сербской, и изъ волошской—вѣсти о томъ, что ихъ все болѣе и болѣе тѣснятъ турки. Вдругъ въ 1382 году

пришло извѣстіе, пріѣхали и съ плачемъ рассказывали въ Москвѣ сербскіе люди, что царству ихъ пришла конечная гибель; что славный царь сербскій Лазарь поднялся всею землею на турковъ, и былъ разбитъ турецкимъ султаномъ Амуратомъ. Оба воинства сошлись на равнинѣ, называемой Коссово поле. У царя Лазаря былъ храбрый воевода, именемъ Милошъ, лѣтами еще младъ, но уже столь знаменитъ и славенъ, что ему стали завидовать многіе царедворцы, старые воеводы. Они наканунѣ самой битвы и шепнули царю Лазарю за ужиномъ, что Милошъ хочетъ передаться туркамъ. Слухъ дошелъ до Милоша, и вотъ на что онъ рѣшился: ночью ушелъ онъ изъ своего стана, прошелъ въ турецкій лагерь и сказалъ, что онъ славный воевода Милошъ и что желаетъ измѣнить своему царю и служить турецкому султану, а для того, молъ, хочетъ его видѣть. Рано утромъ его провели къ Амурату. Оба войска уже стояли другъ противъ друга и готовы были броситься въ бой. Милошъ, допущенный передъ очи султана, объявилъ, что имѣетъ нѣчто сообщить ему тайно. Султанъ велѣлъ всѣмъ отойти. Тогда Милошъ вдругъ обнажилъ свой мечъ и вонзилъ его прямо въ сердце султану. Видя это, турки тотчасъ изрубили въ куски безстрашнаго слугу царя Лазаря. Но кровь его не принесла пользы сербамъ. Турки тотчасъ провозгласили султаномъ Амуратова сына Баязета и одолѣли сербовъ. Царь Лазарь былъ убитъ; почти все войско его пало; царство Сербское покорено турками, а

на Коссовомъ полѣ они сложили изъ срубленныхъ головъ сербскихъ высокій столбъ.

За симъ пришла вѣсть о такомъ же паденіи и разрушеніи царства Болгарскаго.

Потомъ пошли извѣстія, что то тотъ, то другой султанъ подступалъ къ самому Царьграду, и что императоръ съ трудомъ отъ нихъ отбивается. Потомъ пришло въ Москву приглашеніе отъ папы римскаго на соборъ, для соединенія церквей Восточной и Западной, съ обѣщаніемъ, что если это соединеніе воспослѣдуетъ, то папа двинетъ всѣхъ европейскихъ королей противъ турокъ. Отъ насъ поѣхалъ митрополитъ Исидоръ, родомъ грекъ, и ему данъ былъ наказъ не подписывать на соборѣ ничего противнаго православію. Соборъ состоялся въ городѣ Флоренціи, въ Италіи. Многіе греки согласились признать верховенство папы надъ вселенской церковью. Вернулся въ Москву митрополитъ Исидоръ, сталъ служить обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, возвѣстилъ торжественно, что отнынѣ рушилось средостѣніе между двумя церквами,—что отнынѣ только въ христіанствѣ стало едино стадо и одинъ пастырь; а кто же этотъ пастырь—оказалось, когда Исидоръ вдругъ началъ вмѣсто вселенскихъ патріарховъ на эктеньѣ поминать римскаго папу. Государемъ въ Москвѣ былъ въ то время внукъ Димитрія Донскаго Василій Васильевичъ Темный; онъ былъ въ то время слѣпъ,—но одинъ замѣтилъ Исидорову новость и указалъ духовенству. Всѣ ужаснулись. Оказалось, что Исидоръ на соборѣ подписалъ сое-

диненіе церквей совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ хотѣли папы. Великій князь назвалъ его не пастыремъ, а волкомъ, велѣлъ посадить подъ стражу въ Чудовъ монастырь, созвать свой соборъ и судить отступника. Исидоръ однако бѣжалъ изъ тюрьмы. Въ Константинополѣ тоже вышла смута изъ-за этого флорентійскаго собора. Приѣхали туда епископы, подписавшіе соединеніе. Народъ встрѣтилъ ихъ крикомъ: «вѣру продали»! Сдѣлался бунтъ. Собранъ былъ соборъ—и проклялъ измѣнниковъ.

Таково было колебаніе и потрясеніе въ Цареградской церкви и во всемъ греческомъ царствѣ, со всѣхъ сторонъ тѣснимомъ турками. Наконецъ въ 1453 году по Р. Х., т. е. слишкомъ за 400 лѣтъ до нашего времени, разнеслась по всему восточному православному христіанству страшная вѣсть, что Царьградъ взятъ турками,—что султанъ турецкій Магометъ II сѣлъ на престолѣ греческихъ императоровъ,—что храмы Константинопольскіе (самый храмъ св. Софіи) обращены въ мусульманскія мечети. Вѣсть эта приводила всѣхъ въ оцѣпенѣніе. Куда теперь обратить очи? Гдѣ тотъ свѣтъ истинной вѣры, который сіялъ столько вѣковъ въ Царьградѣ—на поученіе и радость вселенной и на обличеніе и посрамленіе враговъ церкви? Что же теперь будетъ въ христіанствѣ, когда поплѣнена и поругана та Церковь, которая премудростью своихъ великихъ учителей—Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Василия Великаго и многихъ другихъ,—просвѣщала всѣ другія

православныя церкви и была живою хранительницей святыхъ апостольскихъ преданій? Плакали люди въ пустыняхъ, плакали во храмахъ, когда пастыри объявили прихожанамъ о страшномъ событіи. Расходились по домамъ люди и толковали, что это не начало-ли свѣта-преставленія? И словно стадо разсѣянное пошли скитальцами греки во всѣ земли, по всему міру, и вездѣ около нихъ собирались люди, и всѣмъ они рассказывали жалостную повѣсть о взятіи Царьграда, и всѣ ихъ слушали съ воздыханіемъ и слезами. Многое множество этихъ грековъ, а съ ними и болгаръ и сербовъ, потянулось къ Москвѣ—и изъ Москвы по русскимъ городамъ и обителямъ; вездѣ былъ имъ братскій пріемъ и усиленная милостыня. Страданія ихъ церкви и жалкая судьба ихъ царствъ, родственныхъ нашему, придавали въ глазахъ русскихъ людей особую святость этимъ путникамъ: многіе изъ нихъ были въ своей странѣ великіе стратиги, философы и имѣли высокій духовный санъ, и всего лишились и едва жизнь спасли, и теперь питаются только подаваніемъ, а многое множество ихъ братій влачить дни свои въ неволѣ. Всѣ эти бѣдствія были понятнѣе на Руси, чѣмъ гдѣ либо, потому что всѣ эти изгнанники одной съ нами вѣры, и потому еще, что въ рѣдкомъ русскомъ-то семействѣ не оплакивали кого нибудь изъ своихъ близкихъ, томящагося или умершаго въ неволѣ у татарскихъ хищниковъ; многіе и сами были выкуплены изъ рабства, на обильныя приношенія, которыя собирались со всей

Руси на выкупъ ордынскихъ плѣнниковъ. Самимъ на Руси было памятно, какъ татары брали русскіе города,—какъ народъ и князя его сражались и умирали въ бою съ невѣрными,—и всѣ спрашивали у грековъ, какъ же у нихъ все это сдѣлалось?

И греки рассказывали:

«У нашего императора Константина Палеолога было всего 8,000 воиновъ; съ ними онъ заперся въ Царь-градѣ и пять мѣсяцевъ бился противъ 280,000 арміи султана. Надо вамъ знать, что городъ съ сухопутной стороны обведенъ высокими стѣнами съ башнями, а съ моря входъ въ его гавань запирался желѣзною цѣпью. Султанъ вдоль всѣхъ стѣнъ построилъ батареи и непрестанно, и днемъ и ночью, палилъ въ городъ каменными ядрами; только все, что онъ днемъ разобьетъ стѣнъ, то греки успѣютъ ночью исправить. Палить онъ, палить, да вдругъ какъ ударять во всемъ лагерѣ въ бубны да въ барабаны, засвистять въ зурны и флейты, и съ кликомъ и воемъ, съ огнями и лѣстницами бросятся турки на приступъ—и тутъ ужъ Богъ знаетъ что дѣлается: съ высокихъ мѣстъ смотришь и видишь только, что пороховой дымъ какъ пелена лежитъ надъ стѣнами и городомъ, и въ этомъ дыму слышны только стукъ и трескъ оружія, крики воиновъ, плачь и рыданіе женъ и дѣтей,—и съ турецкой стороны — зурны, флейты и барабаны, а съ греческой, изъ города, звонъ колоколовъ съ церковей, гдѣ не прерывалась божественная служба. Богъ все миловалъ: пять

мѣсяцевъ сряду греки, хоть и мало ихъ было, да отбивали приступы. Султанъ сонъ потерялъ отъ досады. И подкатилъ онъ къ городу, на 60 волахъ, огромную пушку, вѣсомъ въ 1,900 пудовъ, длиною въ 4 сажени; ее заряжали каменнымъ ядромъ въ 36 пудовъ; ядро за четыре версты попадало въ цѣль—и когда падало на землю, то пробивало яму слишкомъ въ два аршина глубины. И стрѣлять изъ нея можно было только семь разъ въ день, а то она слишкомъ накалялась—и надобно было послѣ выстрѣла тотчасъ смазывать нутро ея бычачьимъ саломъ. Другія пушки, а ихъ было около двухсотъ, тоже были тяжелыя; ихъ везли по 40 воловъ. Изъ этихъ-то пушекъ громили стѣны. Видя, что и это не беретъ, Магометъ началъ думать, какъ бы ему въ самый городъ, т. е. въ самую гавань Царьградскую ввести свои корабли и съ двухъ сторонъ палить; а какъ входъ въ гавань съ моря былъ запертъ желѣзною цѣпью, то онъ придумалъ переташить корабли въ гавань по суху, съ внутренней ея стороны, настлавши досокъ и смазавъ ихъ жиромъ. Это и исполнилъ онъ ночью—и тогда ужъ съ двухъ сторонъ открылъ огонь. Часть стѣны наконецъ упала. Турки ворвались въ городъ—и началась рѣзня отчаянная. Одолѣли невѣрные и разсыпались по городу, пошли рѣзать и грабить, оскверняли храмы, ломали утварь церковную, сдирали иконы и топтали ихъ ногами. Султанъ самъ на бѣломъ конѣ въѣхалъ въ городъ и прямо къ св. Софіи; туда ворвались ужъ турки и шла рѣзня.

Султанъ вошелъ во храмъ, распахнулъ царскія врата, вошелъ въ алтарь и сѣлъ на престолъ по-турецки, то есть поджавши ноги; съ престола велѣлъ прекратить рѣзню, вычищать храмъ—и своимъ мулламъ отнынѣ служить въ немъ службу Магомету. Первымъ дѣломъ, онъ потребовалъ къ себѣ императора. Но императора нигдѣ не было. Онъ бился какъ храбрый ратникъ; незадолго передъ тѣмъ, покрытый кровью, подѣхалъ онъ къ св. Софіи, вошелъ въ храмъ, наполненный старцами, женами и дѣтьми и многимъ духовенствомъ; палъ передъ алтаремъ, покаялся, простился съ патриархомъ и съ царицею, поклонился на всѣ четыре стороны до земли, прося простить ему прегрѣшенія его и обиды, буде кого онъ обидѣлъ,—и сказалъ при этомъ: «Простите, православные христіане! Видно часъ мой пришелъ—испить за народъ мой чашу искупленія. Ежели турки возьмутъ меня живаго въ плѣнъ, то и весь народъ попадетъ въ вѣчное къ нимъ рабство; если же буду убитъ на бою, то хоть султанъ и сядетъ на престолъ мой, но Богъ цареву жертву приметъ—и вѣчнаго рабства народу не будетъ. Господь воздвигнетъ мстителя за кровь мою». Засимъ онъ причастился св. тайнъ и пошелъ изъ церкви, сѣлъ на коня и опять поскакалъ на битву. Султану сказали, что видѣли императора бьющимся съ турками во вратахъ градскихъ и что онъ убитъ. Султанъ велѣлъ отыскать его тѣло. Стали разбирать тѣла и нашли тѣло царево, только безъ головы, и признали его только по царскимъ укра-

шеніямъ на сандаліяхъ, или на башмакахъ. Султанъ велѣлъ отыскать непременно голову. Срубленныхъ головъ между тѣлами валялось множество—и греческихъ, и турецкихъ: стали ихъ подбирать, обмывать, наконецъ нашли. Султанъ призвалъ плѣнныхъ греческихъ бояръ и сказалъ, чтобъ они рассмотрѣли—точно-ли это царева голова. Они со страхомъ и слезами отвѣчали: «она и есть глава царева». Самъ султанъ содрогнулся, облобызалъ голову и послалъ ее къ патріарху. Патріархъ положилъ ее въ золотой и серебряный ковчегъ, и тайно ночью похоронилъ подъ престоломъ св. Софіи».

Много страшнаго и чудеснаго рассказывали греки. Говорили, между прочимъ, что «въ ночь передъ послѣднимъ, трехдневнымъ боемъ, на 21-е мая, на память строителя града св. царя Константина и матери его Елены, весь городъ вдругъ освѣтился словно заревомъ. Думали, что пожаръ. Увидали, что свѣтъ выходитъ изъ верхнихъ оконъ Софійскаго храма, обнявъ собою весь куполъ,—что все пламя потомъ, слившись вмѣстѣ, превратилось въ невыразимый свѣтъ, и этотъ свѣтъ поднялся на небо—и словно растворились двери небесныя и пріяли свѣтъ и опять затворились. Спрошенные о томъ, что это значитъ, патріархъ и архіерей объявили, что этотъ свѣтъ—благодать Божія (и съ нею ангелъ Господень, данный Богомъ на соблюденіе святой церкви сей и на сохраненіе граду сему), въ сію ночь отошедшая на